

ТЕАТР КЛОУНОВ

Попробуйте выйти в городскую толпу, как это делают сегодня репортеры из всяческих (электронных, бумажных и вообще неизвестно каких) так называемых СМИ, и спросить прохожих не о пенсиях, зарплатах, пробках на улицах, не о политиках и олигархах, а просто о цирке.

Какие ассоциации у большинства людей, застигнутых вопросом врасплох, вызовет это слово?

Уверена, большинство ответит: «Клоун».

В массовом сознании именно он издавна стал символом этого древнейшего из видов искусства, выделился из множества других цирковых профессий. Стоит ему появиться на арене, как зрители невольно оказываются во власти настоящего возбуждения. Выбеленное или грубо размалеванное лицо с красным шариком вместо носа. Нелепо сидящий костюм. Подчеркнутая неловкость, до поры скрывающая отличную тренированность тела, которое обладает множеством самых разных цирковых умений. Все в этом персонаже специально создано для того, чтобы он мог стать объектом насмешек. И зритель охотно смеет-

ся, но в этом смехе есть какое-то тайное понимание непростоты ситуации. Ведь в результате-то именно клоун оказывается победителем. И мы угадываем, что в его веселой, часто неожиданной победе торжествует не только сиюминутная логика заготовленного сценария, но и тайная диалектика подлинной жизни, в которой так много обманчивых видимостей, а отношения между «силой» и «слабостью» часто оказываются невероятно причудливыми. И потому под маской клоуна, отвергающей реальную похожесть, зрителям является сама реальность...

Главное оружие клоуна - слово (он - один из немногих «говорящих» участников представления) и трюк. Тем и другим настоящий клоун владеет блистательно. Он может притвориться неумелым и косноязычным, глупым и трусливым, вороватым и жадным. Во время представления его станут то и дело прогонять с арены, чтоб не мешал «серьезным» номерам, бить, пинать и толкать (он ответит обидчиком тем же), будут унижать и высмеивать. Но именно он, этот странный человек в странной одежде, с голосом, каким не говорят нормальные люди, шумный,

настырный и любопытный, окажется тем центром, который свяжет собой разноликие элементы циркового спектакля.

На первый взгляд, его присутствие на арене - в первую очередь функционально. Ведь чаще всего пространством его игры становятся невольные паузы, когда надо подготовить манеж для следующего номера. Но, как в истинно творческих решениях, функциональная необходимость неразрывно связана с изначально художественным. Связывая номера, клоун объединяет их не столько формально, сколько энергетически, окружает их магическим полем своего искусства. Часто он вступает со зрителями в живой контакт, «ломая» барьер, отделяющий арену от амфитеатра. И тогда все пространство под куполом становится ошутимо единым, насыщается энергиями незримого соприкосновения играющих и тех, кто наблюдает за игрой. Точно так и драматический актер преодолевает границу рампы, вступая со зрителями в прямое общение.

В способах клоунского поведения на арене свернуты основные принципы исполнительского искусства. Причем са-